

Е Цзюньшу в очередной раз проснулся после чересчур яркого и чувственного сна, обнаружив весьма неловкие улики взросления организма. Хорошо еще, что на кане спали только Сяо Шань да близнецы, иначе позора было бы не обернуться. В период полового созревания подобные реакции были естественны, но раньше, когда голову забивали лишь заботы о выживании, ему было совсем не до амурных грез.

Но стоило сердцу успокоиться, как он начал видеть эротические сны чуть ли не через день... Е Цзюньшу, преисполненный вселенской скорби, снова в потемках тихо встал, чтобы застирать нижнее белье. Вообще-то, это была нормальная физиологическая реакция, ничего особенного, но стыдно ему было оттого, что предметом его грез стал тот самый прекрасный и недосягаемый гэр...

Е Цзюньшу вынужден был признать: похоже, он влюбился в гэра, которого видел всего дважды. Но едва осознав этот факт, он тут же столкнулся с суровой реальностью безответного чувства. В эпоху, где родословная и социальный статус решали всё, он, нищий парень из глухомани, замахнувшийся на благородного господина из влиятельного клана, выглядел как жаба, мечтающая отведать мяса лебеда. Ему казалось, что даже просто видеть такие сны — значит осквернять того человека, но контролировать собственные чувства он был не в силах.

«Третьему молодому господину на вид лет семнадцать-восемнадцать? Наверняка уже помолвлен... Любые думы об этом — лишь пустые мечтания». Первая любовь, закончившаяся, так и не начавшись!

Е Цзюньшу вздохнул, развесил белье и принялся отрабатывать комплекс приемов в саду, чтобы выплеснуть излишек энергии. Наконец, отбросив несбыточные мысли, он остыл. Вскоре из дома бодро вышел Сяо Шань. Братья немного потренировались в паре, а чуть позже, протирая глаза, показался и Лу-гэр.

Увидев старших братьев, он улыбнулся:

— С добрым утром, братья!

— Доброе утро, Лу-гэр.

Е Цзюньшу заметил, что небо уже светлеет, закончил упражнения и ушел на кухню. Дети просыпались один за другим, и вскоре весь двор наполнился шумом. Узнав, что сегодня они отправятся в город, малыши весь вечер провели в предвкушении и утомнились очень поздно. Е Цзюньшу думал, что они проспят подольше, но недооценил их жажду приключений: они вскочили ни свет ни заря и, полные сил, принялись приставать к старшему брату.

Лу-гэр привычно напек целую гору горячих лепешек. Е Цзюньшу краем глаза следил за беготней детей, укладывая в короб вещи, которые нужно было взять с собой.

— Брат, брат, а У-ва и Лю-ва сегодня тоже едут? — близнецы кружили вокруг него.

— Да.

— Брат, а второй брат поедет? — Брат-брат-брат, а третий брат? — А четвертый?

Дети спрашивали снова и снова, и Е Цзюньшу мягко отвечал каждому, не проявляя ни капли нетерпения. Он понимал их восторг. Столько лет прошло... У-ва и Лю-ва уже всюю бегали, Лу-гэру исполнилось восемь, а они еще ни разу не выбирались из деревни. Сяо Шань бывал в городе совсем маленьким и наверняка уже ничего не помнил. Е Цзюньшу было больно за них,

но раньше обстоятельства не позволяли брать их с собой. К счастью, теперь всё изменилось.

Лепешки были готовы. Е Цзюньшу завернул их и уложил в короб, после чего вывел ораву ликующих карапузов со двора к деревенской окраине.

С тех пор как уезд избавился от мучителей, город давно не видел такого оживления. Раньше сельчане боялись лишний раз нос высунуть: даже на большой дороге можно было нарваться на беду. Без крайней нужды никто не выходил, а если и приходилось — бежали сломя голову. Какое-то время уездный город казался вымершим, словно город-призрак.

Но теперь всё наладилось. Злодеи исчезли, и у людей будто камень с души свалился.

Раз опасность миновала, как могли истосковавшиеся по воле люди не выйти проветриться? Тем более сегодня был день ярмарки — в путь двинулась чуть ли не половина деревни. Было видно, как сильно они истомились за время затворничества.

Когда Е Цзюньшу с детьми пришел к выезду, там уже собралась внушительная толпа. Он шел, с улыбкой здороваясь со всеми и перебрасываясь парой фраз. Единственная в деревне воловья повозка была забита до отказа. Увидев Е Цзюньшу, аму Мин поспешно окликнул их:

— Чжоу-цзы, как раз вовремя! Тут еще есть местечко, давай детей сюда!

Сосед из дома Ху Второго, услышав это, недовольно буркнул:

— Аму Е Пятого, ты же только что сказал, что мест нет?

Мин-аму тут же отрезал: — Ты себя с четырехлетками не ровняй. С чего это у тебя лицо-то такое широкое стало, что места тебе мало?

Е Цзюньшу сделал вид, что не слышит перепалки, и молча усадил Лу-гэра, Цинь-гэра и близнецов:

— Сидите смирно, не балуйтесь.

Хоть места было и немного, малыши, потеснившись, вполне поместились. Е Цзюньшу улыбнулся Мин-аму:

— Спасибо, что придержали место для детей. Вы уже завтракали? Я взял с собой лепешек.

— Поел, поел, Ло-гэр спозаранку всё приготовил.

— А Ло-гэр не поедет в город?

— Ты же знаешь его характер, — махнул рукой Мин-аму.

Е Цзюньшу улыбнулся и, достав из короба лепешки, раздал их детям, наказывая:

— Смотрите, не запачкайте одежду.

Дети, сжимая промасленную бумагу и уплетая ароматные горячие лепешки, сидели в огромной повозке, в которой никогда раньше не ездили, и сияли от счастья.

Фулан Ху Второго уставился на лицо Лу-гэра, покрытое мелкими пятнышками, и противно запричитал:

— Ой-ой-ой, надо же, какой красивый был гэр, и так не повезло с этой крапивницей. Гляньте, какие следы остались. А ведь какой красавец был, даже господа на него заглядывались, экая жалость!

Е Цзюньшу, только что с улыбкой смотревший на жующих детей, замер и с бесстрастным лицом повернулся к нему. Мин-аму тут же вскинулся, гневно сощурившись:

— Тебе лет-то сколько, что ты над ребенком зубоскалишь? Имел бы совесть! Чем тебе Лу-гэр не угодил?

Фулан Ху Второго огрызнулся: — Я просто к слову сказал, правду ведь говорю. Чего ты так взвился?

Берму (жена старосты) Пин, видя, что дело принимает некрасивый оборот, вмешался:

— Ладно вам, с самого утра такой жар развели, другим мешаете. Это повозка не ваша личная, хотите лаяться — идите домой.

Эти слова явно предназначались жене Ху Второго. Берму Пин, как супруг старосты, имел вес в деревне, так что оба спорщика притихли.

Лу-гэр незаметно протянул руку и потянул Е Цзюньшу за край одежды. Когда тот обернулся, мальчик широко улыбнулся, показывая, что его это ни капельки не задело. Суровое выражение лица Е Цзюньшу невольно смягчилось. Он молча погладил Лу-гэра по голове.

Е Цзюньшу давно заметил, что односельчане украдкой разглядывают Лу-гэра, но в основном их взгляды были просто любопытными и не злыми, поэтому он не обращал на это внимания. Кто же знал, что фулан Ху Второго так бесцеремонно заведет об этом речь.

Лу-гэр редко показывался на людях, и в памяти жителей деревни он остался очень милостивым гэрмом. Это был его первый выход в свет после «болезни». Раньше они слышали от лекаря Суна и аму Е Пятого, что Лу-гэру становится лучше, но могут остаться следы. Тогда люди не придали этому значения, а теперь глянули — ого! Отметин много, и они довольно темные. Прежняя красота сошла на нет, как же такой гэр теперь замуж пойдет, кто его замуж возьмет?

Те, у кого раньше были свои виды на этого ребенка, теперь разочарованно ворчали про себя: значит, болезнь Лу-гэра была настоящей, а не выдумкой...

Когда пришло время, толпа двинулась в сторону уездного города. Е Цзюньшу шел рядом с повозкой, на ходу доедая лепешку и почти всё внимание уделяя детям. Глядя на то, как малыши от удивления распахивают глаза при каждом движении телеги, забывая даже про еду, и с любопытством вертят головами во все стороны, он не мог сдержать радости. Ну до чего же милые у него дети!

Малыши были полны восторга, их маленькие головки раскачивались в такт повозке. Хоть дорога и не баловала живописными видами, для них всё было в новинку. Е Цзюньшу не хотел, чтобы дети остались голодными, а лепешки тем временем остывали, поэтому он напомнил им сначала доесть, а потом уже смотреть по сторонам.

Старший брат был для них непререкаемым авторитетом, так что, послушно расправившись с едой, они принялись засыпать его бесконечными «почему». Детский лепет то и дело заставлял взрослых смеяться; веселье разливалось по всему каравану, так что долгий путь не казался

скучным или утомительным.

Но чем ближе был город, тем неудобнее становилось Лу-гэру. Его лицо постепенно бледнело, а маленькое тельце начало мелко дрожать.

Е Цзюньшу, постоянно следивший за ним, тут же заметил перемену и с тревогой спросил:

— Лу-гэр, ты как? Сможешь продержаться?

Лу-гэр стиснул зубы и вцепился взглядом в брата, но в его глазах застыл ужас.

— Что случилось? Неужели укачало? — Мин-аму быстро подошел ближе, участливо причитая:

— Лу-гэр, потерпи еще капельку, мы уже почти у города.

Лу-гэр вздрогнул всем телом.

Е Цзюньшу было больно на это смотреть. Он не выдержал и протянул к нему руки:

— Иди ко мне, маленький. Всё хорошо, брат понесет тебя на руках.

Лу-гэр обхватил шею брата руками и, спрятав лицо у него на плече, тихо отозвался:

— Угу.

Е Цзюньшу предполагал, что у Лу-гэра будет такая реакция, но ради того, чтобы тот преодолел свой страх, ему пришлось ожесточить сердце. Он подавил в себе порыв развернуться и увести брата домой — только развязав этот узел в душе, можно было действительно ему помочь. Е Цзюньшу шел твердым и уверенным шагом. Аму Мин, видя, что парень полон сил и не перенапрягается, больше ничего не сказал.

Вскоре они достигли городских ворот. Те сельчане, что шли пешком, сразу разошлись по своим делам. Группа Е Цзюньшу тоже приготовилась отделиться.

— Аму Мин, я сначала отведу детей навестить учителя.

— Хорошо-хорошо, дело нужное, — согласился тот. Дав еще пару наставлений, он вместе с берму Пин отправился по своим делам.

Сяо Шань помог Цинь-гэру слезть с повозки. Близнецы, вытаращив глаза, озирались по сторонам и инстинктивно жались к Е Цзюньшу, хватаясь за его одежду.

— Брат, так вот он какой, город!

— Ух ты, — восхитился Лю-ва, — какой большой, и сколько тут людей!

Действительно, город давно не был таким оживленным. Видимо, не только их деревня решила выбраться в свет. Улицы кишели народом, повсюду слышались давно забытые крики зазывал.

Е Цзюньшу решил ласково их припугнуть:

— Да, народу много, так что не вздумайте убежать, ясно? Держитесь за брата, не то потеряетесь, и вас схватят работорговцы — тогда больше никогда не увидите своих братьев!

Услышав это, близнецы от страха вцепились в него еще крепче. Их большие глаза так и

шныряли по сторонам в поисках таинственных похитителей. Своими маленькими тельцами они буквально прилипли к ногам Е Цзюньшу, едва не обнимая их. Они ни за что не покинут брата! Цинь-гэр тоже испуганно схватил второго брата за руку, не сводя глаз с Цзычжоу.

— Сейчас мы пойдем к брату Яоляню. Вы ведь помните его?

Дети звонко хором ответили: — Помним!

— Мы идем в гости к учителю и шиму, так что вести себя нужно прилично, понятно?

— Понятно!

Е Цзюньшу удовлетворенно кивнул и уже собирался вести их к дому учителя, как вдруг услышал громкие крики:

— Цзычжоу! Цзычжоу!

— Это брат Яолян! — дети радостно запрыгали.

Цинь Яолян, махая рукой, продрался сквозь толпу:

— Успел! Чуть не разминулись!

— Брат Яолян! — закричали дети, совсем его не стесняясь; было видно, что они к нему привыкли.

— Это же У-ва и Лю-ва... Как выросли-то, ха-ха! — Цинь Яолян сиял, здороваясь с каждым.

— Шицун, ты как здесь оказался?

— Пришел вас встречать! Пошли-пошли, афу с аму уже заждались!

Увидев, что Е Цзюньшу несет Лу-гэра, а Сяо Шань — Цинь-гэра, Яолян хохотнул и, подхватив под мышки обоих близнецов, с азартом рванул вперед:

— Погнали!

Радостный визг близнецов огласил улицу, заставляя прохожих оборачиваться. Е Цзюньшу, похолодев от страха, бросился вдогонку:

— Потише! Не урони детей!

Сяо Шань тоже вошел в раж и, прижимая к себе Цинь-гэра, бросился следом. Е Цзюньшу не знал, злиться ему или смеяться — ну и сорванцы!

<http://bllate.org/book/15226/1366789>